

ГЛАВА III

МАСТЕРА И ОБРАЗЦЫ

Важным в контексте исследования является вопрос о мастерах, которые изготавливали штампы-матрицы для тиснения суперэкс-либрисов; тем более, что ни в зарубежной, ни в отечественной литературе этот вопрос не изучен вовсе. Изготовлением латунных штампов занимались не переплетчики, не ювелиры, а «резчики по металлам и твердым камням», основной деятельностью которых было изготовление печатей; если же речь идет о высокохудожественных образцах — таковые выполнялись как резчиками медальных и монетных штемпелей, так и пунсонными мастерами. В целом же, изготовлением латунных штемпелей занимались чаще всего не собственно художники, а ремесленники; причем, если даже выдающиеся медальеры не всегда ставили свои инициалы на резанных ими медальных и монетных штемпелях, то ремесленники, как и в случае с латунными и стальными печатями под сургуч, вовсе не оставляли своих подписей.

Единственный известный нам случай, когда непосредственно на суперэкслибрисе имеется подпись резчика, — геральдический суперэкслибрис президента Берлинской Академии наук Пьера-Луи-Моро де Мопертюи (1698–1759), вырезанный прусским мастером, подписавшимся на декоративном колечке в нижней части рокайльной рамки Ullisch¹ (илл. VII, с. 49).

Еще раз подчеркнем, что переплетные мастера практически никогда не занимались изготовлением инструментов для собственного ремесла: латунных штампов, филет, рóлей и прочих подручных инструментов для горячего тиснения — они их либо получали по наследству, либо заказывали у резчиков по металлу, причем зачастую выписывали их из других городов или даже стран.

¹ На книге: *Oeuvres d'Ovide*. Т. I–II. S.l., Edition Royale, 1750. –12-о. (Музей-усадьба «Архангельское», инв. №№ 8323–8324.) Экземпляр выявлен Е.В. Дружининой, суперэкслибрис атрибутирован и воспроизведен в кн.: *Дружинин П.А. Книги Фридриха Великого... М., 2004. С. 224.*

Соответственно, если суперэкслибрис вытиснен на переплете, на котором имеется подпись или ярлык переплетчика, то этот переплетчик не может рассматриваться как изготовитель штампа для суперэкслибриса. Также нужно учитывать то обстоятельство, что владелец суперэкслибриса, заказывая штамп-матрицу, хранил его впоследствии у себя и расставался с ним лишь на время, отдавая какому-либо переплетчику книги в работу, и получал назад вместе с переплетенными книгами.

Доказательств этому мы нашли множество. Например, в фонде Голицыных в РГАДА отложился счет переплетчика Василия Чернявского, поданный 24 декабря 1789 года вице-канцлеру, известному любителю изящных искусств и библиофилу князю А.М. Голицыну (1723–1807). В этом счете, перечисляя выполненную работу, мастер отдельно указывает, что из всех переплетенных по заказу князя книг «на семь книг поставлены гербы»². Переплетчикам Академической библиотеки в конце XVIII века выдавались латунные штампы для «загербования» переплетов академических книг. А пример более позднего времени — выдача переплетчикам под расписку латунных штампов суперэкслибрисов придворной библиотеки Николая II, зафиксированная в «Книге пропусков для лиц, выходящих из Собственных его императорского величества библиотек с какими-либо предметами» за 1908–1914 год, сохраняющейся в архиве Государственного Эрмитажа³.

Что касается самих латунных или медных штампов, посредством которых суперэкслибрисы наносились на поверхность книжных переплетов, то они сохранились в единичных экземплярах, поскольку обстоятельства совершенно не способствовали их сбережению: внешне они имеют вид слесарного инструмента, отнюдь не декоративного, к тому же подверженного коррозии; да и цветной металл, из которого они сделаны, традиционно был дорог и шел в переплавку, когда надобность в таких инструментах отпадала.

Чтобы представить процесс изготовления штампа суперэкслибриса и работу переплетчика, мы воспроизводим здесь несколько гравюр XVIII столетия. Прежде всего, это гравюры Шарля-Луи Симонно (1645–1728), на которых изображены как штамп суперэкслибриса и позолотный пресс, посредством которого герб наносится на книжный переплет, так и сам переплетчик за золочением книжного переплета (илл. VIII–IX, с. 55, 61); гравюру Бенуа-Луи

² РГАДА. Ф. 1263 (Голицыны). Оп. 1. Д. 6187. Л. 195.

³ Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 2. Оп. 14-б. д. 1 (1908).

Прево (1735?–1804) с изображением резчика печатей за работой (илл. X, с. 65), а также гравюру Робера Бенара (1734–1786) с изображением латунного штампа-матрицы геральдического суперэкслибриса французского короля Людовика XV (илл. XI, с. 71).

Несмотря на исключительную редкость штампов суперэкслибрисов, нам удалось выявить несколько образцов, которые отложились в государственных хранилищах: в библиотеке Государственного Эрмитажа сохраняется медный штамп шрифтового суперэкслибриса последнего русского императора, размером 24x14 мм; именно этот штамп выдавался петербургским переплетчикам, выполнявшим заказы для Собственных его императорского величества библиотек.

В Государственном Историческом музее ныне хранится латунный штамп геральдического суперэкслибриса императорского Московского университета, второй половины XVIII столетия (илл. XII, с. 71)⁴; в Санкт-Петербургском филиале архива Российской Академии наук мы смогли обнаружить сразу три штампа с изображением императорского герба, которые служили для «загербования» переплетов книг Академической библиотеки⁵. О последних стоит сказать особо.

Как свидетельствует Мальтийский крест, положенный позади двуглавого орла, суперэкслибрисы эти относятся к эпохе правления Павла I. Если два из них представляют собой государственный герб и различаются между собой лишь размером — 31x31 и 23x21 мм (илл. XIII–XIV, с. 77), то третий — это так называемый академический средник с гербом в центре (илл. XV, с. 85), размером 105x73 мм; различные вариации этого средника, близкие по декоративно-художественному решению, украшают переплеты многих академических изданий, начиная с 1720-х годов и вплоть до первой половины XIX века. Причем, как можно видеть при осмотре средника, имеющийся в центральном овале герб — двуглавый орел с Мальтийским крестом — впаян с центр штампа позднее; то есть если герб датируется павловским временем, то сам средник — более ранний, первой половины XVIII века, и именно этот средник (выполненный именно этим латунным штампом-матрицей) отмечен нами на переплетах XVIII столетия (илл. XVI, с. 85).

⁴ Воспр.: Магия книги: Собрание Государственного Исторического музея / Выставка 30 октября 2003 г. — 15 января 2004 г.: Альбом-путеводитель. М., 2003. С. 40.

⁵ СПФ АРАН. Разряд XI. Оп. 1. Е. х. 50, 51, 52.

XV

Штамп-матрица «академического» переплетного средника 1-й половины XVIII в., в который в 1800 г. был вмонтирован государственный герб нового образца

XVI

Оттиск «академического» средника в первоначальном состоянии, где государственный герб нанесен отдельным штампом

По документам Академической канцелярии удалось установить и некоторые подробности, касающиеся этих трех штемпелей. 10 декабря 1799 года Павел I подписал указ о включении в российский герб Мальтийского креста и короны, в результате чего в государстве началась процедура замены государственных печатей с гербом старого образца на новые. Такие изменения герба неминуемо должны были коснуться всех областей, где употреблялся государственный герб, — от монет и клейм гербовой бумаги до геральдических суперэкслибрисов. Так и произошло с гербами, которыми клеймились книги Академической библиотеки: 15 февраля 1800 года в журнале Академической канцелярии записано, что в ее заседании был заслушан «Репорт от надворного советника и библиотекаря Буссе, при коем представил три медные формы российского императорского герба, употребляемые переплетчиком Бейером для загербования академических книг, с тем, что не должны ли оные быть перелиты по новому данному высочайшим указом предписанию, и коль скоро Канцелярии заблагорассуждено будет, то дать кому следует к сделанию оных предписание», и было приказано «о сделании по новому предписанию оных гербов предписать мастеру Рябинину»⁶.

12 ноября Яков Рябинин представил рапорт о выполнении предписания Академической канцелярии, о чем также было записано в журнале:

«[Слушан] репорт мастера Рябинина, при коем представляя вырезанный в меди большой герб, по новой форме для загербования академических книг, доносит, что таковые ж малые два по вырезании отданы им переплетчику Бейеру; Приказали: представленный при сем для клеймения академических книг в меди вырезанный герб отдать с распискою переплетчику Бейеру, а прежде полученные от него мастером Рябининым три старые герба числить по Пунсонной палате расходом»⁷.

Именно эти, выполненные мастером Яковом Ивановичем Рябининым (?–1807) штемпели для «загербования книг» по новому образцу и сохранились в Академии наук.

Кроме того, в процессе работы над историей Пунсонной палаты Петербургской Академии наук⁸ оказалось возможным установить ряд других, также ранее неизвестных фактов для истории суперэкслибриса в России. Несмотря на то, что сведения об изготовлении

⁶ СПФ АРАН. Ф. 3 (Канцелярия АН). Оп. 1. Д. 574. Л. 268 об.

⁷ Там же Д. 575. Л. 561.

⁸ Эта работа в настоящее время готовится нами к печати.

суперэклибрисов в документах Пунсонной палаты случайны, поскольку, как следует из названия самого учреждения, основной задачей его было изготовление пунсонов для шрифтов Академической типографии, однако эти редкие свидетельства в контексте нашего исследования являются поистине драгоценными.

Отдельно оговорим и тот факт, что Пунсонная палата резала не только пунсоны или суперэклибрисы — она занималась и изготовлением украшений для академических изданий, штемпелей для таможни, печатей в казенные учреждения, личных печатей и т.д. По этой причине мы ниже перечисляем только те факты, которые относятся безусловно к суперэклибрисам.

Наиболее ранние работы, выполненные в Академии наук, зафиксированы нами под 1732 годом — еще в тот момент, когда пунсонные мастера не выделились в отдельную палату, а относились к Словолитной палате, мастером которой был известный резчик шрифтов (пунсонный мастер) и медальер Иоганн Купи (ок. 1688–1760). Именно в немецком рапорте Иоганна Купи от 1 января 1733 года в Канцелярию Академии наук, в котором он сообщал о работах, произведенных им и под его руководством в ноябредекабре минувшего 1732 года⁹, упоминается изготовление штемпелей для суперэклибрисов. В частности, он указывает, что были вырезаны в латуни три гербовых штемпеля: для графа Бурхарда-Христофора Миниха (1683–1767), графа Эрнста-Иоганна Бирона (1690–1772) и Германа-Иоганна Бонна (?–1744, в документе он указан как Bone) — генерала-лейтенанта русской службы и самого первого кавалера ордена Св. Александра Невского¹⁰.

Особая важность указанных сведений усугубляется еще и тем обстоятельством, что из трех перечисленных знаков только один — суперэклибрис Э.И. Бирона — известен непосредственно в виде суперэклибриса на книге. Остальные два еще предстоит выявить в фондах библиотек.

Как указывает приведенный рапорт Иоганна Купи, мастерские Пунсонной палаты резали штампы геральдических суперэклибрисов и для живущих в Петербурге иностранцев. По-видимому, именно в Пунсонной палате в начале 1730-х годов был исполнен и латунный штамп суперэклибриса по заказу немецкого медика и ботаника, знаменитого путешественника Даниэля Готлиба Мессершмидта (1685–1735), который по указу Петра I совершил в 1719–1727 годах научное путешествие по Сибири и скончался впоследствии в Пе-

⁹ СПФ АРАН. Ф. 3 (Канцелярия АН). Оп. 1. Д. 426. Л. 120 об.

¹⁰ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Списки кавалерам... С. 112.

тербурге. На основании своих дневников, которые он вел в путешествии, Мессершмидт подготовил к печати десяти томное «Обозрение Сибири», но оно не было опубликовано по причине столкновения автора с учрежденной во время его странствий Петербургской Академией наук. Именно в архиве РАН в Петербурге и сохраняются оригинальные рукописи дневников Мессершмидта, обработкой которых он занимался в Петербурге в последние годы жизни. Все эти томы рукописей переплетены в кожаные переплеты, которые по своему типу и употребленным переплетным украшениям, безусловно, могут быть отнесены к продукции Переплетной палаты Академии наук¹¹; на этих переплетах имеются и геральдические суперэклибрисы немецкого путешественника (илл. XVIII, с. 95). Они вытиснены на верхних крышках переплетов рукописей, несут на себе собственно герб, девиз, а также литеры DGM (Daniel Gottlieb Messerschmidt); на нижних крышках расположены шрифтовые суперэклибрисы путешественника (сложная литерная композиция с зеркальным повтором тех же инициалов владельца). Оба знака вписаны в овал и равны по размеру (48 x 40 мм). Нам представляется весьма вероятным, что латунные штампы этих суперэклибрисов были выполнены для Мессершмидта также в Пунсонной палате Академии наук.

В 1745 году в Пунсонной палате были вырезаны геральдические суперэклибрисы для переплетов описания коронации Елизаветы Петровны — наиболее роскошного печатного издания Академической типографии в XVIII столетии. На переплетах особых экземпляров в центре крышек был вытиснен золотом герб Российской империи и вензель императрицы. Как свидетельствуют рапорты Иоганна Купи, именно он вырезал их в январе 1745 года: «К Коронационной книге... два большие медные штока, одну рулю, да еще тринадцать штемпелей отдал переплетчику Розенбергу»¹². Именно «медные штоки» (то есть «штуки»), отданные академическому переплетчику Ф. Розенбергу, — и есть штампы суперэклибрисов.

В 1748 году Пунсонная палата приняла заказ на изготовление геральдического суперэклибриса для графа П.Б. Шереметева (1713–1788). 9 сентября 1748 года в журнале Канцелярии Академии наук записано следующее: «По доношению его сиятельства действительного камергера и кавалера графа Петра Борисовича Шереметева служителя его Алексея Жданова коим объявляет чтоб

¹¹ СПФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. (подавляющая часть дел этой описи, представляющие собой дневники Д.Г. Мессершмидта, облачены в одинаковые переплеты).

¹² СПФ АРАН. Ф. 3 (Канцелярия АН). Оп. 1. Д. 775. Л. 23 об.

повелено было вырезать на стали герб его сиятельства с приложенной при том доношении сургучевой печати против образца... Определено герб его сиятельства по образцовой печати вырезать немедленно мастеру Купию...»¹³ Хотя здесь, казалось бы, говорится о стальной печати, рапорт мастера Иоганна Купи от 28 декабря 1748 года (илл. XVII, с. 91) свидетельствует о том, что заказан был именно штемпель для суперэклибриса: «По присланному из оной канцелярии ордеру велено по силе оного сделать медный штемпель на котором бы вырезан был герб его высокографского сиятельства Петра Борисовича Шереметева для клеймения книг, который штемпель и сделан обретающимся при мне учеником Федором Краюхиным, а за работу и за медь надлежит взять денег десять рублей»¹⁴. 10 января 1749 года граф внес деньги в академическую кассу¹⁵. (Стоит сказать, что этот вариант знака П.Б. Шереметева — наиболее ранний из всех — до сих пор не удалось выявить.)

По-видимому, в 1753 году именно суперэклибрис был заказан Р.И. Воронцовым (1707–1783) в Пунсонной палате. 8 июня в журнале Канцелярии Академии наук на основании рапорта подмастерья Пунсонной палаты, резчика и медальера Федора Яковлевича Краюхина (1718–1778) сделана следующая запись:

«Подмастерье Краюхин репортует, по приказу де канцелярии Академии наук велено ему на медном штемпеле вырезать картуш и во оном имя его превосходительства действительного камергера и кавалера Романа Ларионовича Воронцова, а помянутого де штемпеля сделать не из чего, понеже де такого принадлежащего материалу не имеется, и чтоб повелено было против данной от него модели отлить подмастерью Тирютину; Определено: подмастерью Краюхину для отливки помянутого штемпеля дать подмастерью Тирютину модель, по которой немедленно ему отлить, и когда по той модели оный штемпель отлит будет, тогда отдать Тирютину для вырезывания подмастерью Краюхину, а когда он вырежет и что за резьбу и за медь денег во взятые следовать будет, взнести оной канцелярии при репорте»¹⁶.

По-видимому, этот суперэклибрис так и не был изготовлен, так как ни рапорта об окончании работ, ни решения об истребовании денег с заказчика в материалах Академической канцелярии не имеется.

¹³ Там же. Д. 517. Л. 449.

¹⁴ Там же. Д. 121. Л. 142.

¹⁵ Там же. Д. 518. Л. 60 об.

¹⁶ Там же. Д. 522. Л. 248 об.

Следующий факт изготовления суперэкслибрисов зафиксирован в 1759 году — тогда граф П.Б. Шереметев, который оборудовал у себя в Фонтанном доме переплетную мастерскую, заказал и штемпели для тиснения. Причем это касалось не только всего арсенала его переплетного мастера (декоративных штемпелей, линеек, гартового шрифта), но и геральдических суперэкслибрисов. Мастер Пунсонной палаты — резчик и медальер Федор Яковлевич Краюхин (1718–1778) — рапортовал в начале апреля 1759 года, что в марте месяце в Пунсонной палате были изготовлены переплетные украшения: «Его сиятельству генералу-лейтенанту действительно камергеру и разных орденов кавалеру Петру Борисовичу Шереметеву двадцать один штемпель ценою за сто за двадцать шесть рублей сделано»¹⁷, а в апреле месяце 1759 года, как следует из его же рапорта, были вырезаны и геральдические суперэкслибрисы: «Требованием генерала-лейтенанта действительного камергера и разных орденов кавалера графа Петра Борисовича Шереметева в медных трех штемпелях герб его сиятельства вырезан»¹⁸.

Таким образом, мы имеем точные сведения об изготовлении трех геральдических суперэкслибрисов П.Б. Шереметева, которые и были нами выявлены в процессе исследования (все три варианта). Они отличаются размерами и декоративно-художественным решением и были предназначены для тиснения на книгах трех различных форматов: *in-octavo* и меньше, *in-quarto* и *in-folio*. Это подтверждается и ценами каждого из трех штемпелей, зафиксированными в журнале канцелярии Академии наук 13 мая 1759 года: «[Слушали] репорта мастера Краюхина, при котором взнес вырезанные по требованию его сиятельства господина генерала-лейтенанта действительного камергера и кавалера графа Петра Борисовича Шереметева три медных штемпеля; Приказали за оные штемпели принять комиссару Зборомирскому денег за большой сорок рублей, за средний двадцать рублей, за меньшей десять рублей, итого семьдесят рублей»¹⁹.

В 1773 году Пунсонная палата, которой по-прежнему руководил Федор Краюхин, выполнила еще один заказ, о котором мастер докладывал 8 марта в Академическую комиссию:

«По приказанию оной Комиссии, а по требованию его сиятельства князя Ивана Андреевича Вяземского, вырезан к переплетному делу в зеленой меди его сиятельства вензель, который при сем ре-

¹⁷ Там же. Д. 504. Л. 95.

¹⁸ Там же. Д. 504. Л. 107.

¹⁹ Там же. Д. 529. Л. 153 об.

Порученная 26 мая 1748 г. (Ваше Императорское
Бюро) медальеру Иоганну Купи
Репорту

Получивши от Вас 11 июня 1748 г. [№] 11077-ой штатской
После оного Взаимно Медной Штамповальной
Парамбы извещения было в Вашем же Высочайшем
своем сиятельстве повелено повелено Шереметеву
для исполнения оных 11077-ой штатской Взаимно
браслетом Прямой Высочайшей ордера и прав
Императорской Ордера издать медальеру
Иоганну Купи Репорту

о чем репортуется Медальеру Иоганну Купи
Кто оном Магистре
Johann Kupi

Иоганн Купи
26 мая 1748 г.

порте и предлагается, а за резьбу, за штемпель и за точеную токарным мастерством ручку и с гайкою, надлежит взять денег тринадцать рублей пятьдесят копеек»²⁰.

Примечания достоин и тот факт, что Я. Я. Штелин, надзиравший за художественными департаментами Академии наук, исправил цену, определенную мастером, и написал «двадцать рублей», которые и были поставлены в окончательный счет князю И. А. Вяземскому.

Кроме того, Пунсонная палата на протяжении XVIII века делала переплетные штемпели и непосредственно для Переплетной палаты Академии наук, в том числе и суперэкслибрисы. К сожалению, ввиду того, что эта работа носила характер внутренней для Академии, и не оплачивалась извне, то она и не фиксировалась строго, как это было со всеми внешними заказами академических департаментов. По этой причине изготовление штемпелей если и отражено в документах Академии наук, то часто недостаточно внятно, чтобы их можно было во всех случаях безошибочно соотнести с суперэкслибрисами. Однако выявлены и безусловные факты.

Например, мастер Пунсонной палаты, пришедший в 1779 году на смену Ф.Я. Краюхину, — Яков Рябинин — рапортовал в Академическую комиссию о работах, произведенных в 1780 году:

«По приказанию [директора императорской Академии наук] его превосходительства Сергея Герасимовича Домашнева для переплетного дела сделаны медные штемпели, один — Российский герб, а другой — Прусский, да для календаря восемь штемпелей; за труды оных следует взять 32 рубли»²¹.

То есть в Пунсонной палате Академии наук вырезались штампы суперэкслибрисов не только с российским гербом, которые находили постоянное употребление в работах Переплетной палаты, но и суперэкслибрисы с гербами тех королевских домов, представителям которых посылались в подарок от двора особые экземпляры различных изданий. Здесь следует сделать оговорку: как показывают документы Академической канцелярии, сама Академия крайне редко отсылала за границу экземпляры в дорогостоящих переплетках с суперэкслибрисами — она ограничивалась экземплярами на веленовой бумаге, в так называемых французских или голландских переплетках, в лучшем случае — с академическим гербом на крышках, адресовались такие экземпляры почетным членам и ученым обществам. Что же касается изготовления в Академии особых эк-

²⁰ СПФ АРАН. Ф. 3 (Канцелярия АН). Оп. 7. Д. 69. Л. 2.

²¹ Там же. Д. 81. Л. 54.

земляров для других дворов и в подарок приезжавшим в Россию высоким гостям, то все они выполнялись по заказам императорского Кабинета.

Сведения об изготовлении геральдических суперэкслибрисов в XIX столетии также крайне немногочисленны.

Так, мы может указать факт изготовления штампа с двуглавым орлом для клеймения особых экземпляров книг на выставке изданий императорской Публичной библиотеки, которая была устроена по замыслу М.А. Корфа. Собранные им по одному экземпляру издания по истории библиотеки, а также изданные самой библиотекой книги, брошюры и даже оттиски статей, были подобраны в хронологическом порядке, соединены в конволюты (чтобы образовать стройный ряд красивых кожаных томов) и облачены в роскошные переплеты. Сам М.А. Корф описывает в Отчете библиотеки за 1854 г. этот план следующим образом:

«Соединение в один состав всех напечатанных доньше Библиотекою изданий и всего относящегося до внутренней ее истории.

С сею целию посреди той залы бельэтажа, в которой находятся иноязычные сочинения о России, поставлен сделанный из ясеневого дерева, по рисунку заведывающего в Библиотеке хозяйственную и строительную часть старшего библиотекаря Соболевского, известным петербургской публике столярным мастером Власовым шкаф, или правильнее поставец, с стеклянными дверцами, с надписью на фронтонах двух его сторон белыми выпуклыми буквами: История и издания Императорской Публичной Библиотеки и с парящим на верху его императорским орлом. В этом шкафу совмещено, в великолепных сафьянных переплетах с золотым обрезом, работы мастера Бермана, все что когда-либо было напечатано отдельно о Библиотеке, или самую Библиотекою, с той эпохи когда она, так сказать, зарождалась в Варшаве в чертогах двух братьев: графа Андрея и особенно графа Иосифа Залуских. Всего имеется теперь в этой любопытной коллекции 78 номеров, переплетенных в 49-ть томов. Для внешнего благообразия, книги расставлены по их величине, а не в хронологическом порядке, который впрочем означен вытиснутыми на корешке их цифрами и особым цветом переплетов за каждый новый период Главного Управления Библиотекою. Из 78 номеров издано:

При Графе Иосифе Залуском (1744–1774), переплет фиолетовый — 18 нум.

При А.Н. Оленине (1803–1843), переплет зеленый — 10 нум.

При Д.П. Бутурлине (1843–1848), переплет коричневый — 9 нум.

При мне (с конца 1849 года по ныне), переплет красный — 31 нум.»²²

Счет за переплет указанных томов, выставленный барону М.А. Корфу «переплетного и футлярного дела мастером» В.Т. Берманом (Behrmann) 31 августа 1854 г. на общую сумму 185 руб. серебром, сохранился в архиве библиотеки; но кроме оплаты сафьянных переплетов там указано и следующее: «За гравировку стемпеля (орел) — 5 руб. серебром»²³. Именно этот «орел» — геральдический суперэклибрис императорской Публичной библиотеки, размером 39x37 мм, — вытиснен на корешках указанных выше переплетов, до сих пор сохраняющихся в РНБ. Суперэклибрис представляет собой государственный герб, вокруг которого положен лавровый венок, а внизу помещены литеры И[мператорская] П[убличная] Б[иблиотека] (илл. XIX, с. 95).

Впоследствии к этой коллекции делались прибавления, которые переплетались уже переплетчиками Яковом Агацом, Карлом Геком и другими. Причем, когда в 1858 г. Я.М. Агац переплетал особые экземпляры переписки Лафатера с императрицей Марией Федоровной, изданной Публичной библиотекой к 300-летию Йенского университета по рукописи из Павловского дворца, то он по заказу М.А. Корфа (инициатора и автора первого предисловия к этому изданию) также снабдил книгу геральдическим суперэклибрисом, но уже не тем, который был оплачен в 1854 г.

Как свидетельствует счет от 23 июля 1858 г., деньги за его изготовление были выплачены одновременно с оплатой переплетов — «1 орел гравирован — 4 руб. серебром»²⁴. А в сопроводительной записке М.А. Корфа В.И. Соболевскому написано уже прямым текстом: «За изготовление штемпеля»²⁵. В РНБ сохраняется один из таких особых экземпляров — из Эрмитажной иностранной библиотеки — он отпечатан на очень плотной бумаге (почти полукартоне) и переплетен в марокен темно-лилового цвета, в углах крышек которого вытиснены золотом указанные в счете переплетчика российские гербы, причем необычно малого размера 12x6 мм (илл. XX, с. 95)²⁶.

Конечно, было бы ошибкой утверждать, будто именно эти мастера сами вырезали штампы указанных суперэклибрисов — они,

²² Отчет императорской Публичной библиотеки за 1854 год... СПб., 1855. С. 9–11.

²³ Архив РНБ. Ф. 1 (ГПБ). Оп. 2а (1854 г.). Д. 4. Л. 410об.

²⁴ Там же. Оп. 2а (1858 г.). Д. 9. Л. 92.

²⁵ Там же. Оп. 2а (1858 г.). Д. 9. Л. 91.

²⁶ РНБ, Rossica, шифр 13.7.2.1.

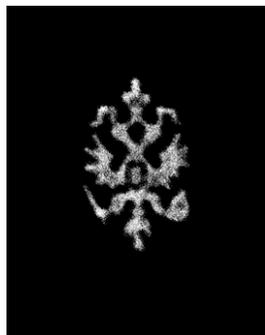
XVIII

Суперэклибрисы Д.Г. Мессершмидта, штампы для которых
были вырезаны в Пунсонной палате Академии наук в 1730-х годах

XIX

Суперэклибрис императорской
Публичной библиотеки,
заказанный через переплетчика
В. Бермана, 1854

XX

Суперэклибрис императорской
Публичной библиотеки,
заказанный через переплетчика
Я. Агаца, 1858

что наиболее вероятно, выступали лишь посредниками, заказывая штампы суперэкслибрисов у тех резчиков, которые занимались производством переплетных инструментов для золотого тиснения и были им знакомы.

Необходимо также отметить, что штамп-матрица суперэкслибриса по неведению может быть принят исследователем за произведение медальерного искусства и причисляться к нумизматическому материалу. Именно такой случай мы находим в одной из работ крупнейшего нумизмата Юлия Богдановича Иверсена (1823–1900) — в своей книге «Неизданные и редкие русские медали» он помещает раздел, названный «Медали литые, которые служили, может быть, образцами». В этом разделе указана и овальная медаль, лишенная ушка (в отличие от других медалей этого раздела, служивших нательными образцами), со следующим описанием: «В венке из пальмовых листьев, двуглавый орел, коронованный тремя коронами, с Андреевским крестом на груди. Об[оротная] ст[орона] представляет Вознесение Господне»²⁷, размер ее — 60х47 мм. Ошибка исследователя, на наш взгляд, происходит от того, что сам Ю.Б. Иверсен, эту «медаль» не видел, и публикует «по рисунку, высланному из Таганрога». Приложенный рисунок (илл. XXI, с. 99) однозначно говорит о том, что «медаль» эта, в действительности, — штамп-матрица переплетного средника XVIII столетия; таковые употреблялись преимущественно для украшения переплетов богослужебных книг, но встречаются и на переплетах книг гражданской печати. Для сравнения приведем здесь близкий по декоративно-художественному решению средник (илл. XXII, с. 99) с российским гербом, украшающий особый экземпляр книги 1771 г. (в качестве средника на другой переплетной крышке этого экземпляра употреблен иной штамп — уже не «Вознесение», а «Распятие с предстоящими») ²⁸.

В данном случае причиной ошибки стало и то обстоятельство, что на этом штампе-матрице изображение для тиснения вырезано с обеих сторон овальной латунной заготовки (это нередко делалось по причине высокой стоимости цветного металла). Два изображения на одном штампе ничуть не мешали переплетчику, поскольку такие большие переплетные украшения наносились по-

²⁷ Иверсен Ю.Б. Неизданные и редкие русские медали. СПб., 1874. С. 26; воспр. Табл. II, рис. 38.

²⁸ Миллер Г.Ф. Книга степенная царского родословия, содержащая историю российской... ч. 1–2. М., 1775. (СПб ИРИ РАН, Инв. XI-609); экземпляр в превосходном красном сафьянном переплете с богатым орнаментом и золотым обрезом.

средством позолотного прессы, куда штамп вкладывался нужной стороной. Конечно, если бы Ю.Б. Иверсен мог увидеть эту «медаль» своими глазами, то он легко бы ее идентифицировал, поскольку это не только не чеканный опечаток или отливок, а металлический штамп с резным узором, притом втрое толще обычной медали.

Отдельно следует также сказать про нетрадиционный способ, которым иногда наносился суперэкслибрис на книгу, и который в данном конкретном случае объединяет исследование геральдических суперэкслибрисов уже со сфрагистикой. Дело в том, что встречаются случаи, когда геральдический суперэкслибрис наносится на поверхность книжного переплета не специальным штампом-матрицей, изначально предназначенным для этого, а посредством матрицы личной или казенной печати. Конечно, такие случаи распознаваемы, причем не только по сопроводительному тексту, но и по качеству оттиска — в таком случае мы почти всегда видим на книге полностью золоченым весь фон знака, а детализировка фигур зачастую достигается не линиями, а глубиной выборки матрицы печати, представляя собой подобие камен. Причем золотом обычно вытиснены знаки казенных учреждений, а личные суперэкслибрисы, которые таким образом наносятся крайне редко, обычно вытиснены сажею.

Из геральдических суперэкслибрисов, нанесенных на книжные переплеты посредством матриц печатей, укажем знак императорской Медико-хирургической академии (с текстом «Императорской Медико-Хирургическ[!] Академии Печ.») (илл. XXIII, с. 103) и суперэкслибрис Горного кадетского корпуса (с текстом «Печать Горнаго Кадетскаго Корпуса») (илл. XXIV, с. 103). Такая практика относится к началу XIX века и широкого распространения она не получила.

Как можно видеть, слово «печать» в данном случае как раз помогает понять каким образом появился такой суперэкслибрис. Но встречаются нередко случаи, когда в геральдическом суперэкслибрисе имеется слово «печать», но сам суперэкслибрис условно нанесен специальным штампом, а не матрицей печати (по-видимому, виною здесь малограмотность резчиков, которые в качестве образца получали оттиск сургучной казенной печати). Таковы геральдический суперэкслибрис Адмиралтейств-коллегии времени царствования Павла I (это угадывается по Мальтийскому ордену в гербе), а также геральдический суперэкслибрис Демидовского лица в Ярославле (илл. XXV, с. 103). Как можно видеть по

воспроизведению последнего, в суперэклибрисе, в свою очередь, наличествует изображение книги с геральдическим суперэклибрисом П.Г. Демидова.

Также следует оговорить еще один факт: в западноевропейской геральдике нередки случаи, когда переплетчик имеет для геральдических суперэклибрисов некоторый арсенал геральдических элементов-штампов (картушей, корон, арматур), и мы встречаем идентичные по декоративно-художественному решению знаки, но с различными гербами. Это указывает на то, что переплетчик наносил тиснение в несколько этапов: картуш, затем корона, а уже после одним или несколькими штампами заполнял геральдический щит необходимыми фигурами.

Исходя из сравнения таких декоративных элементов иногда возможно установить, что некоторые русские владельцы заказывали тиснение суперэклибрисов, находясь на границей, причем не специальным «именным» штемпелем, а именно исходя из арсенала переплетчика. Для наглядности мы приводим геральдический суперэклибрис графа А.С. Строганова (илл. XXVI, с. 107), который несомненно выполнен для него во Франции, где он жил в 1770-х гг., поскольку употребленный для этого знака картуш мы встречаем и на французских знаках, в том числе на геральдических суперэклибрисах известного натуралиста Бюффона (1707–1788; илл. XXVII, с. 107) и министра королевского двора А.-Ж. Амело де Шайо (1732–1795; илл. XXVIII, с. 107). Очевидное сходство картушей (мелкие различия на рисунке объясняются качеством прорисей) соседствуют с различием как самих гербов, так и покрывающих их корон — все эти элементы наносились по-отдельности.

В русской геральдике, в силу избранности такого явления как суперэклибрис, случаи исполнения геральдических суперэклибрисов «универсальными» штампами крайне редки — можно указать только на суперэклибрисы Н.А. Загряжского (илл. XXIX, с. 111) и Н.И. Болховского (илл. XXX, с. 111), которые нанесены одним и тем же основным штампом-картушем, но гербы в них вытиснены разными штампами.

В завершение необходимо также сказать, что некоторые штампы геральдических суперэклибрисов могли корректироваться и имеют, подобно гравюрам на металле, несколько так называемых состояний. В контексте нашего исследования речь идет как об исправлениях, так и о дополнениях. В качестве примера вносимых в штамп исправлений характерен графский везель И.И. Шу-

XXI

Штамп-матрица переплетного средника XVIII в.,
принятый Ю.Б. Иверсеном за медаль

XXII

Оттиск подобного средника на книге 1771 г.

валова, который нередко сопровождает его геральдический суперэклибрис. Изначально он был ошибочно покрыт графской короной (илл. XXXI, с. 111), но поскольку Иван Иванович Шувалов не был графом, а отказался от награждения графским достоинством, то впоследствии корона при нанесении на переплет превращалась в дворянскую путем хитростей переплетного мастера (илл. XXXII, с. 111). И только новый вензель с «правильной» короной, заказанный И.И. Шуваловым, прекратил эту практику.

Говоря о дополнениях штампов суперэклибрисов можно привести в пример геральдические суперэклибрисы П.Г. Демидова — когда в 1803 году он был награжден орденом Св. Владимира, то к своим первоначальным геральдическим суперэклибрисам (двух размеров, для книг различного формата) он дополнительным штампом стал наносить орденские знаки полученного им ордена (илл. XXXIII–XXXIV, с. 115). И только когда был готов новый суперэклибрис, включивший изображение ордена, тиснение двумя штемпелями прекратилось.

И, наконец, еще один случай — два варианта геральдического суперэклибриса графа Михаила Семеновича Воронцова (1782–1856), выполненные одним и тем же металлическим штампом-матрицей. Первый вариант — полный (илл. XXXV, с. 115), второй — с удалением части арматур (знамён) и декоративных элементов (илл. XXXVI, с. 115). Не совсем ясно, с какой целью производилось удаление знамен с штампа (возможно, это диктовалось эстетическим чувством — действительно, вариант со знаменами несколько перегружен арматурами), но исполнена коррекция штампа вполне профессионально, и заметна только по дефекту морды лошади, поставленной справа (от зрителя).